А.А. Гусейнов

Слово о Руссо

(Вступительное слово при открытии научной сессии Ученого совета Института философии РАН, посвященной 300-летию Жана Жака Руссо, 15 мая 2012 г.)

«Руссо не стареет» – так выразился Л.Н. Толстой в марте 1906 года, отвечая на письмо г-на Бернара Бувье, председателя Общества по изучению жизни и творчества Руссо. Он сказал это, имея в виду, что Руссо ему, почти 80-летнему старику, также дорог и близок, как был дорог и близок и в 15-летнем возрасте, дорог и близок среди прочего и прежде всего своей радикальной критикой социальной несправедливости. Руссо не стареет – так думал Толстой.

Иной была позиция В.В. Розанова, который свою статью 1912 г., посвященную 200-летию Руссо, закончил словами: «Но, наконец-то, его пора забыть». Розанов считал, что Руссо пора забыть именно за его социальный радикализм, за то, что он вдохновил Французскую революцию и продолжает вдохновлять революционные настроения в России и мире.

Итак: не стареет или пора забыть?

Я думаю: Руссо не стареет. Его творчество вполне актуально, и не только как важная страница европейской интеллектуальной истории. Оно несомненно сохраняет также теоретическую ценность, во многих случаях дает ориентиры для понимания современных проблем. Сошлюсь на несколько примеров.

Руссо различал чувство «любви к себе» (l'amour de soi) и «самолюбие» (amour propre). Любовь к себе является первичным, естественным антропологическим свойством, которое обнаруживает себя в кротких, доброжелательных страстях; самолюбие — чувство производное, оно возникает на базе сравнения себя с другими и рождает страсти желчные, своекорыстные и ненасытные. Это различие в его основательности до настоящего времени не осмыслено в нашей эти-

ческой теории, а между тем оно могло бы существенно продвинуть нас в понимании целого ряда вопросов, в частности, того, что эгоизм и альтруизм — плоды, которые растут на одном дереве.

Другой пример. Сейчас много спорят о культурном аспекте модернизации. У Руссо мы находим очень интересное суждение по этому вопросу. И не вообще, а применительно к России. Вот что мы читаем в его основном философском сочинении «Об общественном договоре»: «У народов, как и людей, существует ... пора зрелости, которой следует дождаться, прежде чем подчинить их законам ... Русские ... подверглись цивилизации чересчур рано. Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает все из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он ещё не созрел для устава гражданского общества. Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время, как его надо было ещё приучить к трудностям этого. Он хотел сначала создать немцев, англичан, когда надо было начать с того, чтобы создавать русских. Он помешал своим поданным стать когда-нибудь тем, чем они могли бы стать, убедив их, что они были тем, чем они не являются». Каким бы резким и в своей резкости преувеличенным ни было это суждение Руссо, разве не является оно вполне своевременным напоминанием и предостережением нам, напоминанием и предостережением о том, что гражданское состояние не может быть заемным, подражательным, его нельзя насадить сверху, оно жизненно только тогда, когда оно органично народу, выстрадано им, что политический строй народа есть продолжением его культуры.

Говоря об актуальных идеях Руссо, нельзя не вспомнить знаменитую «Исповедь веры Савойского викария», вообще его отношение к религии. Он убедительно показал, что можно противостоять мракобесию, мертвящему догматизму официальной церкви без того, чтобы скатываться на позицию вульгарного атеизма. Он боролся, если можно так выразиться, за свободомыслие в вопросах религии. Противопоставив Священному писанию религию сердца, он сам продемонстрировал один из образцов такого свободомыслия.

И здесь я подхожу к основной мысли, которую хотел бы высказать. Руссо актуален не только отдельными более или менее частными суждениями, наподобие тех, о которых я упоминал. Он актуален своими основными темами и идеями. Речь идет, конечно, об идеях личности и демократии. Руссо поднял их понимание на качественно новый уровень.

Что касается личности, он открыл её эмоциональное измерение и не только как самостоятельную гносеологическую реальность, которая в чем-то является более точной, чем рациональное познание. Он увидел в эмоциональном строе личности основу её индивидуальной свободы. Идея свободы личности в единственности её живого, непосредственного, эмоционально насыщенного бытия была основным словом Руссо, пафосом его жизни и творчества. Идеал Просвещения – не только Локк, Дидро и Кант, не только культ разума и способность жить своим умом. Это ещё и Руссо, ещё и автономия личности, укорененная в раскрепощенной чувственности и ведомая таинственным голосом совести. Своей «Исповедью» Руссо совершил настоящий подвиг. Он поставил на кон самого себя, показав, что внутренние переживания формируют биографию человека ещё в большей мере, чем внешние события. Он нес с собой новое понимание человека, обращенного на самого себя, озабоченного своим внутренним ростом. Таким пониманием он отвоевывал пространство свободы в условиях социального отчуждения и обосновывал её индивидуально-ответственный характер.

При этом Руссо не призывал к внутренней эмиграции. Признавая изначальность интимных структур человека, он придавал одновременно первостепенное значение характеру отношений между людьми; саму эмоциональную жизнь личности он рассматривал как форму таких отношений.

Демократия, республика – второй важнейший тематический блок творчества Руссо. Его идея общей воли на все последующие годы определила одно из основных направлений поисков политической теории и практики. Общая воля – не сумма частных воль граждан, она выражает общие условия совместной жизни граждан и, что самое главное, формируется ими самими. Предметом особой заботы Руссо был вопрос о том, как реализовать прямой, непосредственный характер демократии, гарантировать суверенность народа, как сделать так, чтобы в условиях больших национально организованных государств власть оставалась делом самих граждан, а не была узурпирована новыми элитами.

То понимание идей гражданского общества и свободной личности, которое мы находим в произведениях Руссо, вполне сохраняет свою актуальность. Но ещё более актуальны усилия Руссо, направленные на то, чтобы соединить одно с другим. Не идея свободной личности и идея народоправства сами по себе, а их единство, синтез в живом опыте общественной жизни индивидов – вот что волновало

его в первую очередь. Руссо создал своего рода социальную утопию, в которой свободное развитие личности во всем богатстве его эмоциональной жизни и единственности бытия совпадает, обуславливает, переходит в свободное развитие всех в рамках нового общегражданского общественного договора. Свободный, эмоционально чуткий, доброжелательный индивид разворачивает себя, получает продолжение в непосредственных формах общения. А общая воля имеет ту особенность, что она совпадает, угадывается индивидуальной волей каждого добродетельного гражданина, руководствующегося голосом совести и чувством справедливости. Если переводить идеал Руссо на язык, которым пользуется политическая философия сегодня, то речь идет о синтезе демократии и либерализма, демократии как власти народа и либерализма как свободного развития индивидов. Разве в этом смысле, а именно, имея в виду, как сложно, противоречиво, трагично, а часто просто криминально складывались и складываются отношения между либерализмом и демократией, личностью и нацией, индивидом и обществом, имея в виду всё это, разве идеал Руссо не остается всё ещё и нашим идеалом? И разве не это должно, даже в первую очередь должно волновать нас как людей, граждан и занимать наши умы как философов? Разве идеал Руссо не остается тем идейным, философски-историческим базисом, отталкиваясь от которого и ориентируясь на который только и можно занять научно-продуктивную и нравственно достойную позицию в этом вопросе, да и в целом при анализе общественных противоречий нашего времени.

Словом, Руссо не устарел. Он с нами. Надо, чтобы он был с нами.